

18+ Сергей Лебедев

Папик

Сергей Лебедев

Папик

<https://litres.ru/74153263>

ISBN 9785007018098

Аннотация

«Деньги не пахнут. Но они пахнут властью, одиночеством и кровью. Особенно если ты — российский олигарх, купивший себе молодость за миллион долларов». Когда против тебя идёт война компроматов, похищений и подставных аварий, «папик» теряет всё: бизнес, здоровье и волю к жизни. «Папик» — это не сказка о Золушке. Это жёсткий, чувственный и авантюрный роман о том, как деньги становятся пылью, когда на кону стоит жизнь. Для тех, кто верит, что даже в самой циничной сделке может родиться чудо.

Содержание

Папик	5
Часть первая. Цена контракта	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Папик

**Сергей Александрович
Лебедев**

© Сергей Александрович Лебедев, 2026

ISBN 978-5-0070-1809-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Папик

Часть первая. Цена контракта

Глава 1

Запах денег не имеет ничего общего с запахом свежей типографской краски.

Борис Аркадьевич Вольский знал это точно. Деньги пахли потом, страхом, дорогим виски и кровью — чужой, которую он пускал по венам своего бизнеса, и своей, которую потерял где-то между разбитым «Мерседесом» жены и пустой кроватью в пентхаусе на 54-м этаже.

В пятьдесят три года он выглядел на сорок пять. Спасибо личному тренеру, правильным капельницам и генетике, которая подарила ему волевой подбородок, глубоко посаженные серые глаза и ту самую благородную седину на висках, которую женщины называли «сексуальной».

Сейчас он сидел в кожаном кресле VIP-ложи на закрытом показе молодого дизайнера, которого спонсировала его же компания. Скука выедала его изнутри, как ржавчина — металл. Вокруг шелестели шелка, щёлкали затворы камер, пахло деньгами и духами «Tom Ford», которые в этом сезоне на-

несли на себя все светские львицы от сорока до шестидесяти.

— Борис Аркадьевич, вам шампанского? — мурлыкнула блондинка слева, которую он уже забыл, как зовут.

— Водки, — коротко бросил он.

Официант в белых перчатках материализовался через десять секунд. Борис выпил залпом, даже не поморщился. Водка была хорошая — «Veluga», его собственный запас, привезённый в этот ресторан специально для него.

На подиуме вышагивали девушки. Длинные, тощие, с лицами, которые не запоминались. Они менялись, как картинки в калейдоскопе: вот красное платье, вот чёрное, вот золотая фольга, которую дизайнер назвал «металлический шёлк».

Борис уже хотел встать и уйти — деловой ужин с китайскими партнёрами важнее этого цирка, — как вдруг...

Она вышла.

Не из-за кулис — из света. Из полумрака, который вдруг стал бархатным. Высокая, худая, но не модельно-тощая — с тонкой талией и округлыми бёдрами, которые обтягивало

чёрное платье с разрезом до бедра. Волосы — тёмные, как смоль, падали на плечи тяжёлой волной. Зелёные глаза — Борис разглядел даже с тридцати метров — смотрели не в зал, а сквозь него. В какую-то свою вселенную.

Она держала скрипку.

Не шла — плыла. А когда поднесла смычок к струнам, музыка родилась прямо на подиуме. Не фонограмма, нет. Живой, дрожащий звук, который заставил даже блондинку слева замолчать с открытым ртом.

Борис Вольский не верил в любовь с первого взгляда. Он верил в контракты, обязательства и процентные ставки. Но в ту секунду его сердце — циничное, изношенное, пересаженное условно-досрочно — учащено забилося.

«Игрушка, — подумал он. — Дорогая, но игрушка».

И сразу же поправил себя: «Нет. Не игрушка. Слишком живая».

Он отставил пустой стакан и повернулся к своему помощнику Артёму, который сидел сзади:

— Кто эта?

— Сейчас уточню, — Артём зашелестел планшетом. — Алина Соболева, двадцать лет. Студентка ГИТИСа, актёрский факультет. Скрипка — хобби. На показ попала через кастинг, платят тридцать тысяч.

— Она не модель.

— Арт-модель, — поправил Артём. — В этом сегменте ценят нестандартную внешность и умение... э... презентовать эмоцию.

— Умение трахать глазами, — хмыкнул Борис. — Я понял.

Он снова посмотрел на подиум. Алина закончила играть, короткий поклон — и она ушла за кулисы, исчезла, как видение.

Борис поднялся.

— Ужин с китайцами отмени. Скажи, у меня обострилась язва.

— У вас нет язвы, — осторожно заметил Артём.

— Будет, если я сейчас не поговорю с этой девчонкой.

Он вышел из ложи и направился в служебный коридор. Охранник попытался его остановить, но один взгляд Бориса — и человек исчез, как будто его сдуло ветром.

За кулисами пахло краской для волос, потом и дешёвым шампанским. Девушки в неглиже переодевались, визжали, курили электронные сигареты. Борис прошёл мимо, не глядя, и нашёл её в углу, за ширмой.

Алина сидела на пластиковом стуле, стаскивая с ноги туфлю на немыслимой шпильке. Рядом лежал футляр со скрипкой. Она не заметила его сразу — а когда заметила, не испугалась. Только подняла одну бровь.

— Вы потерялись? Гримёрки для моделей этажом выше.

— Я не ищу гримёрки. Я ищу вас.

— А вы кто?

Он сел на корточки перед ней — нелепо для миллиардера, но ему было всё равно. Уровень глаз. Она не отвела взгляд.

— Борис Вольский. Можете загуглить, если хотите.

— Я знаю, кто вы, — спокойно сказала Алина. — Вы владелец «Вольский-металл» и сети «Вольский-отели». Ваше фото было на обложке «Форбс» два года назад. Вы развелись после смерти жены и больше не женились. У вас двое детей, которые не работают в компании. А ещё вы коллекционируете дорогие машины и, по слухам, меняете девушек, как перчатки.

Борис усмехнулся. Внутри что-то ёкнуло — давно забытое чувство уважения.

— Изучали биографию?

— Нет. Просто у меня хорошая память. И я читаю журналы в очереди к стоматологу.

— Умная.

— Это не комплимент. Умных девушек обычно не любят.

— Я люблю только умных. Глупые — скучно.

Он встал, протянул руку. Она не взяла — поднялась сама, грациозно, как кошка. Разница в росте была небольшой — Борис 185, она 172.

— У меня к вам предложение, — сказал он без предисловий. — Не здесь. Завтра. Я пришлю машину. Встретимся в моём ресторане на Патриках.

— Звучит как кастинг на роль любовницы.

— Потому что это он и есть.

Тишина. Алина смотрела на него так, будто видела насквозь — каждую морщину, каждый шрам, каждую бессонную ночь.

— Хорошо, — сказала она. — Присылайте машину. Но я буду с подругой. Не для безопасности — для того, чтобы было кому рассказать, как это было.

— Договорились.

Он развернулся и ушёл, не оглядываясь. За спиной услышал, как она выдохнула — то ли удивлённо, то ли облегчённо.

На выходе из коридора его догнал Артём.

— Борис Аркадьевич, вы серьёзно? Ей двадцать лет. Ва-

шей дочери Вере — тридцать. Это как-то...

— Неприлично? — закончил за него Борис. — Артём, я строил бизнес, когда ты ещё в детском саду какашки в штаны клал. Моя репутация давно уже не продаётся. И не покупается.

— Я не о репутации. Я о том, что вы... — Артём запнулся, подбирая слова. — Вы всегда держали дистанцию. А эта девушка... она другая.

— Именно поэтому я и хочу её.

Борис сел в «Maybach», который уже ждал у выхода. Водитель Николай — бывший спецназовец, молчаливый и преданный — тронулся с места.

— Домой, Борис Аркадьевич?

— Нет. На Новинский. Покатаемся.

Он смотрел на огни ночной Москвы и думал о зелёных глазах, которые смотрели сквозь него. И вдруг понял, что сегодня впервые за десять лет — после смерти Лены — ему не хочется пить в одиночестве.

Но он всё равно выпил. Прямо в машине. Две порции виски «Macallan» 30-летней выдержки.

«Папик, — подумал он с горькой усмешкой. — Вот во что ты превратился. Старый козёл, который покупает девочек».

А потом добавил: «Но эта... эта не продается дёшево. Это интересно».

Глава 2

— Ты с ума сошла! — Катя отложила телефон, на который только что записывала голосовое сообщение маме в Воронеж. — Он же старый! Ему за пятьдесят!

— Пятьдесят три, — поправила Алина, сидя на подоконнике общажной комнаты. — Не такой уж и старый. Джордж Клуни старше.

— Ты не Джордж Клуни, и он не Джордж Клуни. Он — олигарх. Это другое.

Они жили вдвоём в крошечной комнате на восьмом этаже общежития ГИТИСа. Обшарпанные стены, кровать, которая скрипела при каждом движении, маленький холодильник, в котором вечно пахло чем-то подозрительным. Алина снимала это жильё за десять тысяч рублей в месяц, потому что стипендия и подработки не позволяли ничего лучшего.

Мать Алины, Надежда Петровна, осталась в Рыбинске. Рак груди, третья стадия. Химиотерапия стоила бешеных денег, и каждый месяц Алина переводила домой всё, что зарабатывала: фотосесии, массовки в сериалах, подработку официанткой. Скрипка, на которой она играла с пяти лет,

была единственным наследством от отца-музыканта, который ушёл, когда Алине исполнилось семь.

— Кать, послушай, — Алина спрыгнула с подоконника и подошла к подруге. — Он предложил встретиться. Это не значит, что я соглашусь на что-то. Но я хочу понять — что он может дать.

— Он может дать тебе деньги, — жёстко сказала Катя. — И за это ты будешь должна ему... ну, ты понимаешь.

— Я всё понимаю.

— И тебя это не останавливает?

Алина промолчала. Вместо ответа она открыла ноутбук — старенький «Lenovo», купленный с рук, — и набрала в поиске: «Борис Вольский».

Выпало двести тысяч ссылок. Она выбрала интервью журналу «Сноб» пятилетней давности.

На фотографии Борис сидел в кожаном кресле, на фоне окна, за которым угадывалась Москва-Сити. Без галстука, расстегнутая рубашка, на шее — тонкая цепочка. Глаза — усталые, но живые.

В интервью он говорил о бизнесе, о кризисе 2008-го, о том, как потерял жену.

— Елена погибла в аварии. Это было десять лет назад. Вопрос: вините ли вы себя? Ответ: каждую минуту. Но я научился не показывать это.

— Он говорит как робот, — заметила Катя, заглядывая через плечо. — Сухо.

— Он говорит как человек, который боится расплакаться перед камерой, — тихо сказала Алина. — Я таких играла в этюдах. Внутри у них — вулкан. Снаружи — лёд.

— Ой, мамочка, — Катя закатила глаза. — Ты уже влюбилась?

— Нет. Я просто хочу понять, с кем имею дело.

На следующий день в два часа дня к общежитию подъехал чёрный «Mercedes S-Class». Не самый дорогой в гараже Вольского, но для общаги — событие. В окна повысовывались соседки, кто-то свистнул.

Катя стояла на крыльце, скрестив руки на груди.

— Я с тобой.

— Я помню.

Они сели на заднее сиденье. Водитель — Николай, коротко стриженный, с бычьей шеей — представился и тронулся.

— Охренеть, — прошептала Катя, когда увидела салон из натуральной кожи, подогрев сидений, холодильник с водой и шоколадками. — Это жизнь?

— Это цена, — ответила Алина.

Ресторан «Lumière» на Патриарших прудах был пуст в обеденное время — Вольский, видимо, арендовал его целиком. Они прошли через дубовую дверь и оказались в зале с панорамными окнами, выходящими на пруд.

Борис сидел за столиком у окна, листал бумаги. При их появлении поднял голову.

— Присаживайтесь. — Кивнул на два стула напротив. — Вы, должно быть, Катя? Алина говорила.

— Ага, телохранитель и моральный компас, — брякнула

Катя и тут же покраснела.

Борис усмехнулся. Вблизи он выглядел старше, чем на фотографиях — у глаз были глубокие морщины, а кожа имела тот оттенок серости, который бывает у людей, которые спят по четыре часа в сутки. Но его улыбка... в ней было что-то опасное. Как у акулы, которая раздумывает, укусить или просто проплыть мимо.

Официант принёс меню.

— Заказывайте что хотите, — сказал Борис. — Я плачу.

— Это мы поняли, — парировала Алина. — Вопрос в том, какова плата за обед.

— Прямая, — кивнул он. — Мне нравится. Итак, Алина Соболева. Двадцать лет. ГИТИС, актёрский. Мать больна, отец ушёл. Денег нет. Талант есть. Я ничего не перепутал?

— Откуда вы знаете про отца? — напряглась Алина.

— У меня есть люди, которые умеют гуглить лучше вас.

— Это называется «собрать досье».

— Это называется «не вкладывать деньги в кот в мешке». — Борис откинулся на спинку стула. — Я предлагаю вам контракт. Сроком на один год.

Катя поперхнулась минералкой.

Алина не изменилась в лице.

— Какие условия?

— Квартира в «Федерации» на 65-м этаже. Вид на всю Москву. Машина с водителем — «Mercedes» или «BMW», на ваш выбор. Ежемесячное содержание — три миллиона рублей. Лечение вашей матери — лучшие клиники Германии или Израиля, за мой счёт. Обучение в ГИТИСе — я оплачиваю, но вы продолжаете учиться. Я не вывожу вас из театра.

— Звучит как рай, — сказала Катя. — А что взамен?

Борис посмотрел на неё, потом перевёл взгляд на Алину.

— Взамен — вы. Ваше общество. Ваше тело. Ваши ночи. Вы будете появляться со мной на мероприятиях, ужинах, деловых встречах. Вы будете улыбаться, когда я скажу, и молчать, когда я попрошу. Вы будете моей. Полностью. На один

год.

Повисла тишина. Слышно было, как за окном кричат чайки над прудом.

— Вы купили бы вещь, — тихо сказала Алина. — Дорогую, красивую, но вещь.

— Я не покупаю вещи. Я инвестирую в людей. Разница в том, что вещи можно выбросить, а хорошие инвестиции приносят дивиденды. — Борис наклонился вперёд. — Через год вы получите квартиру в собственность, ещё десять миллионов на счёте и хороший старт в карьере. Я дам вам связи, которых вы не добьётесь за десять лет. А вы дадите мне то, чего у меня нет.

— И что же у вас нет? — спросила Алина, хотя уже знала ответ.

— Жизнь, — сказал Борис. — Я забыл, что это такое. Вы молодая, яркая, вы играете на скрипке и смотрите на мир так, будто он ещё не успел вас обмануть. Я хочу это чувствовать. Через вас.

Катя открыла рот, чтобы что-то сказать, но Алина её опередила:

— Я подумаю.

— Думайте. — Борис протянул визитку. — У вас три дня. Если ответ «да» — завтра же въезжаете в квартиру. Если «нет» — вы свободны. Никаких долгов.

Он встал, кивнул обеим и вышел из зала.

Катя выдохнула:

— Алина, это безумие. Ты не можешь...

— Маме нужна операция, — перебила Алина. — Следующие три курса химии — по четыреста тысяч каждый. У меня нет этих денег. И не будет, даже если я буду работать на трёх работах.

— Но он же...

— Он папик, Катя. Самый настоящий. И я, кажется, соглашусь.

Она смотрела на визитку. Там было только имя и телефон. Ни должности, ни логотипа.

«Борис Вольский».

Как приговор. Как надежда. Как пропасть, в которую она прыгает с закрытыми глазами.

Глава 3

Она позвонила через два дня.

Не потому, что долго сомневалась, а потому что ждала звонка из больницы — маме стало хуже, температура поднялась до сорока, и врачи говорили о сепсисе. Алина не спала две ночи, сидела в общажной кухне, пила дешёвый растворимый кофе и смотрела на телефон.

Когда пришла смс от врача: «Нужна срочная операция. 1,2 млн рублей», — она набрала номер Бориса.

— Я согласна.

— Умница, — сказал он без радости. — Завтра в десять утра приедет риелтор, покажет квартиру. В двенадцать — нотариус, подпишем договор.

— Договор?

— А вы думали, я на слово поверю? Всё по закону. Я не идиот.

На следующий день Алина стояла в холле 65-го этажа

башни «Восток» комплекса «Федерация». Высота — 374 метра. Под ногами — мрамор, над головой — хрустальная люстра, за стенами — панорамные окна от пола до потолка.

Квартира была 250 квадратных метров. Гостиная с камином, кухня, в которой можно было готовить ужины на двадцать персон, спальня с кроватью размера «king-size», гардеробная, два санузла, балкон с джакузи.

Алина прошла в спальню и увидела скрипку — не свою, старую, потрёпанную, а новую. «Stradivarius»? Нет, конечно, — но хороший итальянский мастер, ручная работа, цена — около трёх миллионов рублей.

На скрипке лежала записка: «Играйте. Это лучшее, что вы умеете. Б.В.»

— Господи... — прошептала Алина, проводя пальцами по струнам. Звук был чистым, как горный ручей.

Риелтор — сухая женщина в очках — терпеливо ждала в гостиной.

— Когда приедете с вещами?

— У меня нет вещей, — горько усмехнулась Алина. —

Чемодан джинсов и пара платьев.

— Гардеробная уже заполнена. Борис Аркадьевич распорядился.

Алина открыла дверь гардеробной и ахнула. Ряды одежды — от повседневной до вечерней, обувь — десятки пар, сумки, украшения. Всё её размера. Всё дорогое, но со вкусом — без пошлых логотипов.

«Он знает мой размер, — подумала Алина с холодком. — Значит, следил. Или его люди сняли мерки, пока я спала?»

Это было одновременно и лестно, и страшно.

В двенадцать часов приехал нотариус — пожилой, с добрыми глазами. Он разложил на столе три экземпляра договора.

Алина читала, и пальцы холодели. Пункты:

Алина Соболева обязуется состоять в интимных отношениях с Борисом Вольским не реже трёх раз в неделю (по взаимному согласию сторон, без физического принуждения).

Алина Соболева обязуется сопровождать Бориса Воль-

ского на всех официальных и неофициальных мероприятиях по его требованию.

Алина Соболева обязуется не разглашать детали настоящего соглашения.

В случае досрочного расторжения по инициативе Алины — она возвращает квартиру и автомобиль, а также выплачивает неустойку в размере пяти миллионов рублей (неустойка может быть заменена на отработку сроком до трёх месяцев).

В случае досрочного расторжения по инициативе Бориса — Алина получает квартиру в собственность, автомобиль и выходное пособие в размере десяти миллионов рублей.

— Это рабство, — сказала Алина, глядя на нотариуса. — Легальное рабство.

— Это договор возмездного оказания услуг, — мягко поправил нотариус. — В гражданском кодексе такая практика не прописана, но есть аналоги. По сути, вы оказываете Борису Аркадьевичу... э... личные услуги. Он их оплачивает.

— Эвфемизмы, — покачала головой Алина. — Какие красивые слова для такого грязного дела.

Она взяла ручку. Ручка была «Montblanc», тяжёлая, с золотым пером.

«Мама, — подумала она. — Ради тебя».

И подписала.

Нотариус поставил печати. Договор вступил в силу.

— Поздравляю, — сказала она самой себе в зеркале в прихожей. — Ты теперь содержанка. Официально.

В семь вечера приехал Борис.

Без звонка — у него был ключ. Алина сидела на диване в гостиной в новом платье — чёрное, простое, шёлковое, которое она выбрала из гардеробной. Без макияжа, только блеск для губ.

— Выглядишь хорошо, — сказал он, снимая пальто и вешая его в шкаф. — Но напряжена.

— Я подписала контракт, по которому вы имеете право на моё тело, — ответила Алина, не вставая. — Это не расслабляет.

— Имею право, но не обязанность, — Борис подошёл к бару, налил себе виски, ей — белое вино. — Я не буду тебя насиловать. Если ты скажешь «нет» — мы выпьем вино и разойдёмся по разным спальням. Но контракт... контракт предполагает, что ты будешь стараться.

— Стараться не ненавидеть вас?

— Стараться получать удовольствие, — он протянул ей бокал. — В этом моя плата. Не просто дыра с ногами. А живой человек, которому со мной хорошо.

Алина взяла бокал. Вино было сладким, как нектар.

— Вы циник.

— Я реалист.

Они выпили молча. Потом Борис сел рядом — на расстоянии, но достаточно близко, чтобы Алина чувствовала его запах: дорогой табак, кожа, лёгкий одеколон «Creed». Взрослый, мощный, мужской запах.

— Сыграй, — попросил он, кивнув на скрипку.

— Что?

— Что хочешь.

Алина встала, взяла скрипку. Пальцы дрожали, но когда смычок коснулся струн, дрожь прошла. Она играла «Чако-ну» Баха — медленно, пронзительно, вкладывая в каждую ноту всю боль последних лет: смерть отца, болезнь матери, унижительные кастинги, голодные месяцы в общежитии, и вот теперь — этот золотой унижительный договор.

Борис слушал, закрыв глаза. Когда она закончила, он долго молчал.

— Ты плакала, — сказал он, открывая глаза. — Но играла так, будто смеялась.

— Я актриса.

— Ты чудо. — Он встал, подошёл к ней, взял скрипку из рук и осторожно поставил в футляр. — Идём. У нас первая ночь по контракту.

— Я не готова.

— Ты готова, — сказал он, глядя в глаза. — Просто боишься. Это нормально.

Он взял её за руку. Ладонь была шершавой, тёплой. Алина позволила вести себя в спальню.

Там горел камин — настоящий, не электрический. Пахло дровами и розами — на тумбочке стояла ваза с алыми розами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.